

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

XIX.

О Шиллерѣ и о многомъ другомъ.

Извѣстный знатокъ литературы и тонкій критикъ, г. Полетика, который всегда

Въ Шекспирѣ признавалъ талантъ
За личность Дездемоны
И строго осуждалъ Жоржъ-Зандъ
За то, что носить панталоны,

предалъ меня, однажды, анаѳемѣ по поводу нѣкоторой моей ереси о талантѣ и «искрѣ божіей». Какъ ни ужасна перспектива вновь подвергнуться сокрушительной логикѣ и громоздному краснорѣчію почтеннаго затрапезнаго оратора, но, если Богъ не выдастъ, такъ, можетъ быть, и г. Полетика не погубить. Такъ ужь, впрочемъ, намъ, профанамъ, на роду написано подвергаться анаѳемѣ специалистовъ и, вообще, знатоковъ. Имъ, конечно, и книги въ руки. Но, съ другой стороны, что же и мнѣ-то дѣлать, когда мнѣ попались въ руки книги, вновь поднявшія во мнѣ ересь «искры божіей»? Что дѣлать?! Говорить, писать и опять выносить громы сокрушительной логики и краснорѣчія затрапезныхъ ораторовъ.

Недавно вышло *пятымъ* изданіемъ «Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей» (изданіе г. Гербея). Кстати, почти одновременно явилась по русски книга Шерра «Шиллеръ и его время» (М. 1875). Пятаго изданія русскія книги, если не считать учебниковъ и сказокъ въ родѣ «Гуака» или «Милорда англинскаго», вообще почти не доживаютъ. Поэтому, пятое изданіе Шиллера уже само по себѣ составляетъ фактъ, чрезвычайно знаменательный. Пронялъ же, значить, насъ, россиянь, этотъ великій нѣмецкій человекъ съ рыжими волосами и голубыми глазами, этотъ «современникъ всѣхъ эпохъ», какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, отнюдь, впрочемъ, не думая пророчествовать. Принимая въ соображеніе, что французовъ, англичанъ, не говоря уже о нѣмцахъ, Шиллеръ пронялъ еще сильнѣе, чѣмъ насъ, было бы любопытно выслѣ-

дѣть секретъ этого могущества и живучести. Конечно, если свести дѣло къ случайному щедрому дару природы, къ стихійной силѣ таланта, генія, такъ оно, пожалуй, даже вовсе не любопытно: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, у зауряднаго виртембергскаго офицера родился въ 1759 году сынъ огромныхъ умственныхъ и поэтическихъ способностей—вотъ и все. Физиологи могутъ биться и ломать головы надъ этимъ фактомъ, но намъ, профанамъ, дѣлать съ нимъ нечего. Намъ занимается другая сторона дѣла. Мы знаемъ въ исторіи литературы, въ исторіи политической не мало людей съ огромными умственными силами, ничуть, можетъ быть, не меньшими, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Шиллеръ, и, однако, растратившихъ эти силы либо почти со всѣмъ даромъ, либо оставившихъ по себѣ память позора и ненависти. Далѣе: «таланты отъ Бога», но гдѣтъ ли чего нибудь въ шиллеровской мощи и «отъ рукъ человѣческихъ»? Еслибы удалось съ достаточною точностію опредѣлить и выяснить эту *человѣческую* сторону обаянія великаго поэта, мы были бы въ большомъ выигрышѣ. Мы—не идолопоклонники, которые нарываютъ разбить себѣ лобъ передъ величавымъ или грознымъ явленіемъ природы (каковъ самъ по себѣ талантъ, геній). Намъ въ особенности дорого то употребленіе, которое дѣлается изъ таланта; тѣ мотивы, которые заставляютъ человѣка обращать свои силы на такое или иное освѣщеніе тѣхъ или иныхъ фактовъ; тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ человѣкъ, вспомошествоваемый щедрымъ даромъ природы. Выясненный съ этихъ сторонъ обладатель таланта перестаетъ быть чѣмъ-то недосягаемымъ, чуждымъ, доступнымъ только волнамъ еиміама и восторженнымъ гимнамъ. Онъ перестаетъ быть идоломъ и становится идеаломъ, образцомъ, маякомъ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ одному удается оставить по себѣ яркій слѣдъ и служить свѣточемъ цѣлому ряду поколѣній, но это не мѣшаетъ и простымъ смертнымъ, изучая условія работы гениальнаго человѣка, заимствовать у него чтò возможно, т. е. то, чтò не связано непосредственно съ стихійной силой таланта. Взять себѣ примѣромъ, образцомъ шиллеровскій талантъ нельзя, если въ собственныхъ творческихъ силахъ недостатокъ, но то употребленіе, которое Шиллеръ дѣлалъ изъ своего таланта, содержитъ—можно съ увѣренностію сказать заранѣе—урокъ поучительный и доступный.

Мы уже давно знаемъ фантастическій образъ художника, вольно, изицно и почти безсознательно порхающаго въ надзвѣздной лазури, охлаждающаго наши земныя боли единственно ароматнымъ прикосновеніемъ своей легкой, изъ чуждыхъ невѣсомыхъ матеріаловъ сотканной одежды. Мы давно его знаемъ, и онъ намъ очень надоѣлъ, потому что на повѣрку всегда какъ-то такъ выходило, что изъ подъ невѣсомой одежды выглядывалъ кончикъ уха гг. Болеслава Маркевича, Фета или Авсѣенки. Этотъ образъ, когда-то (очень ужъ давно) привлекавшій къ себѣ столько нѣжныхъ сердець, улетучился, но нынѣ послѣ него

осталось мокрое мѣсто. Повторяю это не совсѣмъ изящное выраженіе «мокрое мѣсто», потому что не могу иначе назвать критическія упражненія большинства нашихъ литературныхъ хроникѣровъ. Говорится что-то слякотное о томъ, какъ вредно стѣсненіе для поэта, какъ всякія строго опредѣленные нравственно-политическія тенденціи сковываютъ талантъ и проч. Не всѣ, впрочемъ, говорятъ это. Приведу одинъ примѣръ, касающійся «Отечественныхъ Записокъ». Когда, одновременно съ появленіемъ «Подростка», «Отечественныя Записки» выразили моими устами сожалѣніе о нѣкоторыхъ печальныхъ поползновеніяхъ чрезвычайно талантливаго автора и заявили, что не могли бы допустить у себя появленіе его романа, еслибы упомянутыя поползновенія переходили извѣстную границу, газетные хроникѣры были чрезвычайно взволнованы. Волновались, между прочими, хроникѣры «Кіевскаго Телеграфа» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Хроникѣръ перваго напустился на насъ за самое напечатаніе «Подростка» и въ оговоркѣ нашей увидѣлъ только лицемѣріе. Хроникѣры же «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (начала сальясовскій, а потомъ и баймаковскій) прочли въ весьма строгомъ стилѣ противоположнаго свойства нотацію, что какъ, дескать, мы смѣемъ стѣснять талантъ г. Достоевскаго? Привожу это только, какъ примѣръ разноголосицы требованій и спутанности понятій. Отъ всякихъ комментаріевъ воздерживаюсь и спрошу только: не своевременно ли будетъ обратиться къ изученію задачъ и условій творчества признанныхъ всѣмъ міромъ великихъ мастеровъ, дабы узнать, какъ слѣдуетъ вести себя нашимъ художникамъ? Шиллеръ для этого, мнѣ кажется, особенно удобенъ. Во-первыхъ, онъ—несомнѣнная звѣзда первой величины, такъ что тутъ и спорить никакихъ нѣтъ и быть не можетъ; во-вторыхъ, онъ писалъ сочиненія по теоріи искусства. Значитъ, мы имѣемъ здѣсь какъ-бы собственныя признанія и эстетическія desideria первокласснаго мастера. Выгоды—до исключительности рѣдкія, и грѣшно было бы ими не воспользоваться. Не велика еще важность, если какой-нибудь г. Соловьевъ отстаиваетъ ту или другую эстетическую теорію. Можетъ быть, онъ и совершенно правъ; но его собственныя поэтическія произведенія, по крайней мѣрѣ, не служатъ гарантіей пригодности теоріи. Шиллеръ—другое дѣло. Онъ создалъ произведенія великія, создалъ ихъ, соображаясь съ извѣстной эстетической теоріей, а, слѣдовательно, эта теорія дала плодъ вполне осязательный.

Чему же можно поучиться у Шиллера? Можетъ быть, формъ? Конечно, какъ и у всякаго гениальнаго художника. Однако, только до извѣстной степени. Возьмите, напримѣръ, знаменитыхъ «Разбойниковъ». Карлъ Мооръ самымъ нелѣпымъ образомъ вѣрить подложному письму якобы его отца, ни на минуту не сомнѣвается въ его подлинности, хотя признаётъ его чудовищнымъ и никогда ничего подобнаго не ожидалъ; мало того, это ни съ чѣмъ несообразное письмо вдругъ побуждаетъ его принять страшное рѣшеніе—обра-

тяться въ разбойничьего атамана. Онъ раздражается невѣроятными монологами, изъ которыхъ вотъ одинъ на выдержку: «Люди! люди! лживое, коварное отродье крокодиловъ! Вода—ваши очи, сердце—желѣзо! На уста поцалуй, кинжалъ въ сердце! Львы и леопарды кормятъ своихъ дѣтей, вѣроны носятъ падалъ птенцамъ своимъ, а онъ, онъ... Я привыкъ сносить злость, могу улыбаться, когда озлобленный врагъ будетъ по канѣ точить кровь изъ моего сердца... но если кровная любовь дѣлается измѣнницей, если любовь отца дѣлается Мегерой: о, тогда, пылай огнемъ мужское терпѣніе, превращайся въ тигра кроткая овца и всякая былина рости во вредъ и погубель!» Полагаю, что нынче и Дьяченко не рѣшился бы вложить въ уста герою такіе напыщенные монологи и не мотивировалъ бы событія такъ психологически невѣрно и, наконецъ, просто такъ плохо. Скажутъ, что «Разбойники»—юношеское произведеніе. Положимъ, что, даже оставя въ сторонѣ «Разбойниковъ» и однородныя съ нимъ драматическія вещи, «Заговоръ Фіеско», «Коварство и любовь», мы увидимъ указанные недостатки въ Шиллерѣ: болѣе или менѣе вытянутые монологи и странную внезапность, немотивированность рѣшеній и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Таковъ длиннѣйшій монологъ Вильгельма Телля, когда онъ поджидаетъ въ ущельи Геслера; такова измѣна Бутлера въ «Валенштейнѣ», играющая въ драмѣ существенную роль; таково внезапное зарожденіе земнаго чувства въ Іоаннѣ д'Аркъ, когда она, «пораженная видомъ Ліонеля, стойтъ неподвижно и рука ея опускается», а, между тѣмъ, и эту внезапность существеннѣйшимъ образомъ опредѣляется дальнѣйшее теченіе драмы. И проч. Но не въ этомъ состоитъ дѣло. Спрашивается: почему, несмотря на крайнюю незрѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ теперешней точки зрѣнія, обветшалость формъ «Разбойниковъ», драма эта остается великимъ памятникомъ и прочтется теперь, въ 1876 году, всякимъ мыслящимъ человѣкомъ съ несравненно большимъ наслажденіемъ, чѣмъ безчисленное множество современныхъ и вполнѣ «приличныхъ» драмъ? Скажутъ, такова сила таланта. Но—это не отвѣтъ, это—только одно изъ всерѣшающихъ и ничего необъясняющихъ таинственныхъ выраженій, какъ «судьба», «случай», «счастье», «несчастье» и т. п. Для современниковъ Шиллера, въ томъ числѣ и для такихъ, какъ Гёте, «Разбойники» ничуть не выдѣлялись изъ цѣлой массы этого рода произведеній, въ родѣ «Ардингелло», «Ринальдо Ринальдини» и т. п. И дѣйствительно, таланта, т. е. собственно творческой способности, въ нихъ не больше. Но въ нихъ есть, кромѣ того, нѣчто, давшее Шиллеру дальнѣйшіе толчки и оставившее, вмѣстѣ съ тѣмъ, на «Разбойникахъ» печать вѣковѣчности. Это нѣчто я называю—извините, г. Полетика—искрой божіей. Въ чемъ она состоитъ, мы увидимъ сейчасъ нѣсколько ближе.

Если мы обратимся къ другому рода трудамъ Шиллера, то встрѣтимъ нѣчто совершенно аналогичное. Шиллеръ писалъ со-

чиненія историческія, философскія, и они въ высокой степени поучительны, несмотря, опять-таки, на крайнюю незрѣлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обветшалость какъ его историческаго матеріала, такъ и многихъ его точекъ зрѣнія. Кто ищетъ знаній, тотъ не станетъ читать Шиллера «Исторію отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества», а кто ищетъ образованія философскаго — можетъ смѣло обойти «Философскія письма». И исторія, и философія имѣютъ болѣе компетентныхъ и яркихъ представителей. Но Шиллеръ и въ эти произведенія вложилъ ту же искру Божію, которая блеститъ и понынѣ и невольно приковываетъ къ себѣ всякаго, кто станетъ просто перелистывать теоретическія его сочиненія.

Надобно замѣтить, что г. Гербель совсѣмъ напрасно утверждаетъ, будто его изданіе «можетъ быть названо дѣйствительно полнымъ, такъ какъ въ немъ не опущено ни одной строки и не измѣнено ни одного слова противъ подлинника». Не говоря уже о томъ, что перевести всего Шиллера, не опустивъ ни одной строки и, въ особенности, не измѣнивъ ни одного слова, нѣтъ никакой возможности, г. Гербель упустилъ изъ виду теоретическія сочиненія Шиллера. Въ пятомъ изданіи перевода «русскихъ писателей» имѣются многіе труды Шиллера по исторіи, философіи и теоріи искусства, но, во-первыхъ, далеко не всѣ, а, во-вторыхъ, далеко не самыя важныя. Издатель, какъ видно изъ предисловія, именно для пятаго изданія приготовилъ и заказалъ многіе переводы, но рѣшительно невозможно понять, почему онъ выбралъ одни вещи и отбросилъ другія. Напримѣръ, «Философскія письма» переведены, что составляетъ уже роскошь, мелкіе эстетическіе опыты переведены, а капитальныя вещи, какъ «О прелести и достоинствѣ» (Ueber Anmuth und Würde) и письма объ эстетическомъ развитіи человѣка — нѣтъ. Такимъ образомъ, имѣя подъ руками «полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей», я, все-таки, долженъ буду обращаться въ нѣмецкому подлиннику, и притомъ за самыми важными изъ теоретическихкихъ сочиненій.

Философскія и историческія работы никогда не были для Шиллера той смѣсью дѣла съ бездѣльемъ, которая называется дилетантствомъ. Каковы бы ни были достигнутые имъ результаты, но онъ работалъ упорно, цѣлыми годами, со страстью. Для человѣка, одареннаго такою громадною творческою силою, было бы очень соблазнительно отдаться ей одной и творить образъ за образомъ, пѣсню за пѣсней, драму за драмой, наскоро готовляя свой матеріалъ. Шиллеръ избѣжалъ этого искушенія. Онъ никогда не отдѣлялъ своей поэтической способности отъ жажды познанія и выработки нравственно-политическаго идеала. Это бросается въ глаза уже при одномъ перечнѣ его сочиненій. Рядомъ съ трилогіей «Валленштейнъ» стоитъ «Исторія тридцатилѣтней войны»; рядомъ съ «Донъ-Карлосомъ» — «Исторія отпаденія Нидерландовъ», рядомъ съ поэтическими произведеніями —

эстетическіе опыты. Никогда никакой сюжет не интересовалъ его исключительно съ поэтической стороны, исключительно, какъ нѣчто красивое. Этотъ міровой гений, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, какихъ видѣлъ родъ людской, просто не пональ бы эстетической теоріи уединенія, обособленія прекраснаго отъ истиннаго и справедливаго. Загѣйте, что онъ погружался въ историческія изслѣдованія и въ эстетическія изысканія совсѣмъ не для того только, чтобы лучше освоиться съ матеріаломъ и техникой. Это — само по себѣ, а главное — онъ вѣчно стремился растворить эстетическое наслажденіе, подчинить его, отдать на службу нравственно-политическимъ цѣлямъ. Это — замѣчательно выдающаяся, характернѣйшая черта Шиллера, и какъ мыслителя, и какъ поэта, и какъ человѣка. Искусство онъ цѣнилъ чрезвычайно высоко, да и мудроно бы было ему цѣнить его иначе — ему, въ душѣ котораго билъ неисчерпаемый родникъ образовъ и цѣсей. Но высоту эту онъ полагалъ именно въ служебной роли искусства. Того изъ отроговъ «искусства для искусства», который носить названіе безсознательнаго творчества, Шиллеръ совсѣмъ не зналъ. Прочтите его «письма о Донъ-Карлосѣ» (они есть въ русскомъ изданіи), и вы будете поражены готовностью, съ которою онъ объясняетъ свои цѣли и каждый шагъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Все обдуманно, все преднамѣренно, все подлежитъ отчету. Въ первомъ же письмѣ онъ ставитъ такое общее положеніе: «Дурно для автора и его пьесы, если дѣйствіе ея зависитъ отъ догадливости и снисхожденія критика и если авторъ допускаетъ, чтобы впечатлѣніе пьесы производилось качествами, доступными весьма немногимъ головамъ. Чтѣ можетъ быть ошибочнѣе положенія художественнаго произведенія, когда оно поставлено на произвольное наблюденіе, и онъ можетъ дать ему произвольное толкованіе и когда нужна помощь, чтобы поставить его на настоящую точку зрѣнія? Если вы хотите наемкнуть мнѣ, что моя пьеса находится въ *независимомъ положеніи*¹, то этимъ вы говорите мнѣ нѣчто очень дурное». Слѣдовательно, Шиллеръ требовалъ, чтобы поэтическое произведеніе отражалось въ средѣ читателей или зрителей непременно извѣстнымъ образомъ, соотвѣственно намѣреніямъ автора, дало соотвѣтственные результаты, произвело соотвѣтственное дѣйствіе. Задача, безспорно, чрезвычайно трудная, принимая въ соображеніе разноолиберность массы читателей. Но самъ Шиллеръ ее разрѣшилъ блистательно, потому что всѣ его произведенія *несомнѣны*, если можно такъ выразиться. Онъ вла-

¹ Пораженный страннимъ оборотомъ подчеркнутой фразы, я заглянулъ въ подлинникъ и, какъ и слѣдовало ожидать, никакого «независимаго положенія» тамъ не нашель. Сказано: *dass das meinige sich in diesem Falle befände* — то-есть просто въ такомъ положеніи. Отъ независимости Шиллеръ чураться не сталъ бы и видѣлъ ее именно въ полнотѣ и ясности отношеній между произведеніемъ и читателемъ или зрителемъ.

дѣлъ тайной за разъ и подниматься на самыя вершины творчества, и говорить со всѣми быть всѣмъ понятнымъ. Сила и значеніе этой несомнѣнности лучше всего выяснится сравненіемъ. Читатель помнитъ, конечно, какъ, въ старыя годы, каждое новое произведеніе г. Тургенева комментировалось съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ и часто совершенно противорѣчивымъ образомъ. Припомните, напримѣръ, баталію изъ-за «Отцовъ и дѣтей». Одни видѣли въ романѣ оскорбленіе дѣтей и апофеозъ отцовъ; другіе, наоборотъ, апофеозъ дѣтей и приниженіе отцовъ; третьи наконецъ—просто радовались художественной сторонѣ романа и тому, что вотъ, дескать, настоящій художникъ «объективировалъ»; факты безъ любви и ненависти и предоставляетъ кому угодно, толковать произведеніе и такъ, и этакъ. Самъ г. Тургеневъ, несмотря на большую охоту заявлять о себѣ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, упорно, долго и двусмысленно молчалъ. *Такихъ* толковъ произведенія Шиллера никогда не возбуждали. И это—совершенно понятно. Постарайтесь попробовать истолковать «Донъ-Карлоса» или «Вильгельма Телля» въ какихъ-нибудь двухъ различныхъ смыслахъ. Это—просто невозможно. Это не значитъ, чтобы Шиллеръ не давалъ работы критикѣ. Напротивъ, онъ и до сихъ поръ даетъ ее желающимъ сколько угодно. Но роль критики ограничивается при этомъ, во-первыхъ, чисто-эстетической и психологической оцѣнкой, а, во-вторыхъ—нравственной оцѣнкой идеаловъ Шиллера. Въ этихъ предѣлахъ возможны всяческія разногласія, но сомнѣній въ томъ, что хотѣлъ сказать поэтъ, что онъ любитъ, что ненавидитъ—такихъ сомнѣній быть не могло. Маркизъ Поза, Вильгельмъ Телль, Валленштейнъ, Іоанна д'Аркъ и проч. несомнѣнны, и несомнѣнность эта достигается не тѣмъ, что авторъ исполняетъ обязанности громкимъ шепотомъ подсказывающаго суфлера, не тѣмъ, что онъ грубо и аляповато навѣшиваетъ на своихъ героевъ ярлыки, а внутреннимъ планомъ работы. Для инаго, можетъ быть, и заманчива роль великаго жреца искусства, который, совершивъ поэтическое таинство, отходить въ сторону, предоставляя другимъ доискиваться его смысла. Но Шиллеръ называлъ это «фальшивымъ» положеніемъ. Художественное творчество было для него не какии-нибудь самостоятельнымъ богослуженіемъ, а гражданскимъ актомъ, вслѣдствіе чего онъ, естественно, долженъ былъ желать несомнѣнности своихъ произведеній. Гёте былъ невысокаго мнѣнія о философскихъ занятіяхъ Шиллера. Онъ писалъ Эккерману: «Грустно было видѣть, какъ такой даровитый человѣкъ носился съ философскими идеями, которыя, въ сущности, ему ничего не дали» (Цит. у Шерра «Шиллеръ и его время»). Можно съ увѣренностью сказать, что «философскія идеи» дали, напротивъ, Шиллеру очень многое. Я не внѣшній успѣхъ имѣю въ виду, хотя и то надо замѣтить, что, напримѣръ, въ «Прелестіи и достоинствѣ» самъ Кантъ увидѣлъ «мастерскую» руку. Но, главное, что дали Шиллеру философскія занятія, это—внутренній

миръ. Они показали ему, что его жажда ясныхъ, несомнѣнныхъ отношеній какъ къ объектамъ поэзии, такъ и къ читателямъ, имѣеть свои вполне рациональныя основанія, что она законна. Въ томъ же письмѣ къ Эккерману Гёте совершенно справедливо замѣчаетъ: «Не въ натурѣ Шиллера было относиться безсознательно и инстинктивно къ вопросу, занимавшему его—напротивъ: онъ разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ и подвергалъ анализу». Представьте себѣ человѣка, въ которомъ постоянно идетъ сильнѣйшая работа, такъ сказать, образованія поэтическихъ клѣточекъ. Постоянно слагаются въ немъ образы, пѣсни, звуки, приемы — словомъ, всѣ разнообразныя элементы поэтическаго произведенія. Органической процессъ выработки этихъ элементовъ самъ по себѣ составляетъ наслажденіе, въ которомъ весьма соблазнительно замѣнуться, и въ такомъ случаѣ человѣкъ творить, по старинному сравненію, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ. Въ уморительномъ введеніи г. Венгерова въ «критико-біографическія этюды» выражается, между прочимъ, что одинъ современный писатель «довольно расположенъ къ искусству для искусства, и, хотя ратуетъ за мысль, но послѣдняя не составляетъ у него *conditio sine qua non*». Какъ ни нелѣпо выражено это сужденіе (вообще, такого концентрированнаго невѣжества и критическаго непониманія, какое обнаружилъ въ своемъ введеніи г. Венгерова, я давно уже въ нашей литературѣ не встрѣчалъ; когда-нибудь на досугъ даже стоить имъ заняться); но именно эта не-необходимость «мысли» составляетъ характерную черту заурядныхъ поэтовъ, хотя они обладаютъ иногда большою творческою способностью. Есть другіе поэты, въ которыхъ, рядомъ съ творческою способностью, ярко горитъ нравственная «искра Божія». Эти не могутъ предоставить свою поэтическую силу на волю стихійнаго процесса отложенія «интеллектуальныхъ формаций»¹. Они стремятся дать ей совершенно опредѣленное русло. Таковъ и былъ Шиллеръ. Чтобы читатель видѣлъ, до какой отчетливости доходилъ онъ въ этомъ отношеніи, я приведу слѣдующія слова изъ упомянутыхъ уже писемъ о Донъ-Карлосѣ: «Я выбралъ совершенно доброжелательный характеръ (рѣчь идетъ о маркизѣ Позѣ), неспособный ни на какое эгоистичное стремленіе, я придалъ ему высокое уваженіе къ чужимъ правамъ, я вложилъ въ него цѣль добыть для всѣхъ наслажденіе свободой и, мнѣ кажется, не впалъ въ противорѣчіе съ обыкновеннымъ опытомъ, допустивъ его сойти съ пути и зайти въ деспотизмъ. Въ планъ мой входило, чтобы онъ затянулся въ петлю, приготовленную для всѣхъ, идущихъ по одинаковой съ нимъ дорогѣ. Чего бы мнѣ стоило благополучно провести его и доставить читателю, любившему его, чистое

¹ Терминъ г. Зеленскаго, чрезвычайно любознательную книгу котораго, только что вышедшую, «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства», я могу пока только рекомендовать вниманію читателя.

наслаждение всѣми остальными красотами его характера, еслибы я не считалъ болѣе выгоднымъ придерживаться человѣческой природы и подтврдить его примѣромъ опытъ, всегда мало принимаемый въ соображеніе». Направляя свою творческую силу такъ сознательно и такъ настойчиво къ нравственно-политической цѣли, Шиллеръ, естественно, долженъ былъ считать плохимъ, неудачнымъ произведеніе, допускающее различныя толкованія, хотя бы даваемое имъ эстетическое наслажденіе было очень велико.

Это удовлетвореніе требованію личной своей природы Шиллеръ возвелъ до высоты всеобъемлющей теоріи. Едва ли кто-нибудь выше его ставилъ искусство, относился къ нему восторженнѣе, до такой степени, что многія изъ его стихотвореній покажутся намъ даже приторно-плоскими, если не имѣть въ виду основныхъ задачъ искусства по Шиллеру. Напримѣръ, въ извѣстномъ стихотвореніи «Раздѣлъ земли», Зевсъ говорить опоздавшему поэту:

...вся роздана земля:

Ужь больше не моя ни воды, ни поля;
Но если въ небесахъ захочешь жить со мною,
То небо навсегда отверзето предъ тобою.

Въ «Идеалахъ», въ «Могуществѣ пѣснопѣнія» и проч. выражаются подобныя же мысли и чувства. На первый разъ они могутъ поразить довольно неприятно. Достойно ли, въ самомъ дѣлѣ, Шиллера пѣть на такую извѣзженную и плоскую тему, какъ лишеніе поэта даровъ земли и предоставленіе ему неба. Какая мелюзга не пѣла этихъ чувствительныхъ вещей и не купалась въ этой скудной и, въ концѣ концовъ, просто вздорной аллегоріи (безъинтересно замѣтить, что «Раздѣлъ земли» переведенъ на русскій языкъ *восемь* разъ, именно: Жуковскимъ, Мейснеромъ, Струговщиковымъ, Крешевымъ, Гербелемъ, Зотовымъ, Алмазовымъ и Соловьевымъ). И еслибы мы имѣли въ виду только подобныя отдѣльныя стихотворенія, такъ пришлось бы сказать, что этотъ человѣкъ слишкомъ часто облекалъ въ изящнѣйшія формы довольно скудное содержаніе. Заносчивыя или приторно-сантиментальныя восхваленія поэта — вотъ вѣдь это чтѣ такое само по себѣ. Въ сущности же, однако, здѣсь нѣтъ ни заносчивости, ни приторности, ни пустоты. Правда, Шиллеръ говорилъ часто почти тѣ же самыя слова о небесномъ величіи поэзіи, которыя исповонъ-вѣку говорятся безчисленнымъ множествомъ поэтовъ и поэтиковъ. Но онъ разумѣлъ подъ поэтомъ совсѣмъ не того идеальнаго ротозѣя съ вѣнкомъ изъ розъ и незабудокъ на головѣ, которому обыкновенно приписывается небожителство. Онъ рѣдко оговаривалъ это обстоятельство, потому что былъ для этого самъ слишкомъ полонъ мыслію объ истинно великомъ значеніи поэзіи. Въ большинствѣ случаевъ, онъ просто забывалъ, что есть поэты, непохожіе на него нравственнымъ складомъ. Иногда, впрочемъ, онъ выражался на этотъ счетъ очень саркастически. На-

примѣръ: «Многіе изъ нашихъ романовъ и трагедій, особенно такъ называемыхъ драмъ и любимѣйшихъ семейныхъ картинъ... производятъ только опорожненіе слѣзныхъ мѣшечковъ и сладострастное облегченіе нервныхъ сосудовъ; но духъ выходитъ изъ этихъ упражненій совершенно пустымъ» («О патетическомъ»). Очевидно, что опорожнителей слѣзныхъ мѣшечковъ Шиллеръ либо совсѣмъ не считалъ поэтами, либо, по крайней мѣрѣ, не ихъ имѣлъ въ виду, когда въ «Раздѣлѣ земли» отдавалъ поэтамъ небо; не ихъ поэзію разумѣлъ, когда гордо говорилъ въ «Художникахъ»:

Лишь свѣтлыми прекраснаго вратами
Въ міръ чудный знанья вступишь ты;
Чтобы высшій блескъ снести очами,
Постигни прелесть красоты.

Думаю, поэтому, что весьма многіе переводчики «Раздѣла земли» и т. п. жестоко ошибаются, полагая видѣть въ этого рода стихотвореніяхъ свое profession de foi. Шиллеръ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ поэзію, но только такую, которая подчиняла красоту идеалу нравственно-политическому. На это указываютъ уже одни заглавія нѣкоторыхъ его статей. Напримѣръ, «Театръ, какъ нравственное учрежденіе», «О нравственной пользѣ эстетическихъ нравовъ». Онъ рекомендовалъ «постигнуть прелесть красоты» для того, чтобы «высшій блескъ снести очами». Поэзія была для него «вратами». Слѣдовательно, небеснымъ величіемъ Шиллеръ награждалъ искусство только въ такомъ случаѣ, если оно предварительно послужило земнымъ цѣлямъ.

Я не считаю, однако, нужнымъ долѣе настаивать на этой тѣмѣ. Что Шиллеръ смотрѣлъ на задачи искусства именно такъ — въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто потрудится прочесть хоть одинъ, любой изъ его эстетическихъ опытовъ. Доказывать же, что такъ и долженъ относиться къ своему дѣлу художникъ, не стоить. «Могій вмѣстити» эту истину, безъ сомнѣнія, уже вмѣстилъ ее, потому что объ этомъ было говорено и переговорено, а не могій пусть до поры до времени посидитъ на вышеупомянутомъ мокромъ мѣстѣ. Я только напоминаю и подчеркиваю фактъ: Шиллеръ, мировой геній, поэтъ, во многихъ отношеніяхъ не имѣющій соперниковъ, творилъ вполне сознательно и видѣлъ въ искусствѣ не самостоятельную цѣль, а великое орудіе для достиженія высшихъ цѣлей. Это — одна сторона нравственной искры божіей, горѣвшей въ душѣ Шиллера. Ниже намъ еще придется, можетъ быть, къ ней вернуться, а теперь обратимся къ другой особенности Шиллера, пожалуй, еще болѣе занимательной.

Извѣстно, что Шиллеръ есть поэтъ свободы. Извѣстны бурные взрывы республиканизма въ «Разбойникахъ», монументальный образъ свободолюбиваго Веррины въ «Заговорѣ Фіеско», либеральные планы маркиза Позы въ «Донъ-Карлосѣ», политическій протестъ «Коварства и любви», глубоко демократическій характеръ «Вильгельма-Телля» и проч. и проч. и проч. Извѣстно, наконецъ, что Шиллеръ, на ряду съ Вашингтономъ, Костюшкой,

Уильберфорсомъ, Блопштокомъ, Песталоцци, получилъ отъ французскаго республиканскаго національнаго собранія дилломъ на званіе французскаго гражданина. Изъ всѣхъ этихъ чертъ въ образованномъ обществѣ слагается ходячее, довольно, впрочемъ, туманное представленіе пламеннаго борца за свободу, демократическія идеи, прогрессъ и проч. Особый, однако, вопросъ—насколько это представленіе вѣрно? Среди той поразительной путаницы понятій, которую нынѣ переживаетъ большинство нашего образованнаго общества, выработалась какая-то странная идея совпаденія свободы, демократическихъ принциповъ, прогресса съ фактическимъ поступательнымъ движеніемъ исторіи. Я не говорю о тѣхъ, совершенно уже нелѣпныхъ людяхъ, которые радуются каждому шагу исторіи только потому, что это—еще шагъ. Но и гораздо болѣе благоразумные люди склонны думать, что въ цѣломъ, минусъ нѣкоторыя случайныя уклоненія, исторія постоянно предоставляет торжествовать свободѣ, демократическимъ идеямъ, прогрессу. Гр. Л. Толстой говоритъ совершенно справедливо, что это *никогда* никѣмъ не было доказано, но всѣми принимается на вѣру. Дѣйствительно, идеи Руссо, нѣкоторыхъ социалистовъ объявлены парадоксами, хотя онѣ, собственно, никогда не были опровергнуты. Какъ бы то ни было, но, благодаря привычной ассоціаціи идей, мы представляемъ себѣ всякаго борца за свободу и проч. въ видѣ человѣка, глубоко презирающаго и ненавидящаго все старое, прошедшее, только о томъ и думающаго, какъ бы это все искоренить, уничтожить. Безъ сомнѣнія, эта ассоціація идей внушена образомъ дѣйствія писателей прошлаго столѣтія и практическихъ дѣятелей первой революціи. Такимъ мы себѣ представляемъ и Шиллера, съ извѣстными, разумѣется, индивидуальными отклоненіями отъ общаго типа революціонера. Такъ, конечно, мы не навязываемъ Шиллеру ядовитой насмѣшливости и скептицизма Вольтера или жестокости какаго-нибудь Фуке-Тэнвиля. Думаю, поэтому, что многіе читатели не безъ недоумѣнія прочтутъ, напримѣръ, такіа слова Шиллера: «Въ ребенкѣ видимъ мы зачатки и назначеніе, въ самихъ же себѣ—исполненіе, и послѣднему всегда безконечно далеко до первыхъ. Оттого-то для насъ ребенокъ есть воплощеніе идеала, хотя еще и не исполненнаго, но заданнаго, и потому насъ трогаетъ въ немъ совсѣмъ не представленіе его немощи или ограниченности, но, напротивъ того представленіе его чистой и свободной силы, его возможностей, его безконечности» («Наивная и сантиментальная поэзія»). Надо замѣтить, что, по общему смыслу статьи и по прямымъ указаніямъ, сдѣланнымъ раньше, рядомъ съ ребенкомъ должны быть вставлены въ эту цитату «сельскіе нравы и нравы перробытнаго міра». Такимъ образомъ, выходитъ, что Шиллеръ говоритъ почти буквально то же, что и гр. Л. Толстой: идеаль нашъ не впередъ, а позади насъ—въ ребенкѣ, въ народѣ, въ прошедшемъ. Прежде, чѣмъ разсматривать эти возрѣнія Шиллера подробнѣе, постараюсь

сдвинуть съ дороги одно недоразумѣніе. Скажутъ, можетъ быть, что, конечно, Шиллеръ былъ великій поэтъ, но комментировать стихотворца, какъ политическаго писателя, не годится. Но я напомню читателю, что Шиллеръ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ тѣмъ увѣнчаннымъ незабудками и розами ротовѣемъ, который лѣзетъ на небо только потому, что ничего не умѣетъ дѣлать на землѣ. Шиллеръ пристально слѣдилъ за современными ему великими политическими событіями и обнаруживалъ иногда при этомъ по истинѣ изумительную, почти пророческую проницательность. Напримѣръ, въ 1794 году онъ писалъ: «Французская республика недолговѣчна—она исчезнетъ скоро; республиканское правленіе превратится въ анархію, и рано или поздно явится гениальный человѣкъ, который сдѣлается не только властителемъ Франціи, но покоритъ и большую часть Европы» (Шерръ, 291). И это—не случайное, не единичное предсказаніе. Для меня, впрочемъ, несравненно болѣе глубокимъ свидѣтельствомъ политической проницательности Шиллера служить то обстоятельство, что онъ ни въ ту, ни въ другую сторону не поколебался среди революціоннаго ликованія, что онъ, до конца дней своихъ, остался апостоломъ свободы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо и ясно говорилъ: идеалъ нашъ—сзади.

Вотъ какъ онъ развиваетъ, между прочимъ, эту мысль въ письмахъ «объ эстетическомъ развитіи человѣка». Я приведу его взгляды довольно полно и почти въ подстрочномъ переводѣ, потому что сочиненіе это не вошло въ русское изданіе.

«Въ старину (главнымъ образомъ, въ Греціи), при прекрасномъ развитіи духовныхъ силъ, чувства и духъ еще не подѣлили своихъ владѣній; между ними не было раздора. Поэзія и умозрѣніе были родныя сестры, которыя, въ случаѣ надобности, могли даже замѣнять другъ друга, потому что обѣ онѣ преслѣдовали истину, только разными путями. Какъ бы высоко ни поднималось умозрѣніе, оно поднимало вмѣстѣ съ собой и матерію, чувственную сторону человѣку. Правда, мысль разлагала человѣческую природу, надѣлая въ увеличенномъ видѣ ея элементами весь кругъ боговъ, но она не разрывала природы человѣка на куски, а только различно комбинировала ее, такъ что каждый отдѣльный богъ былъ, все-таки, цѣльною личностью. Въ новыя времена совсѣмъ не то. И у насъ элементы человѣческой природы разбросаны въ увеличенномъ видѣ по отдѣльнымъ индивидамъ, но въ кускахъ, а не въ различныхъ смѣшеніяхъ, такъ что для полученія родового единства надо бы было слить нѣсколько индивидовъ. Можно даже сказать, что у насъ душевныя силы и въ дѣйствительности раздѣлены такъ же рѣзко, какъ дѣлать ихъ въ отвлеченіи психологъ, и мы видимъ не только отдѣльныхъ субъектовъ, но цѣлые классы людей, въ которыхъ развита только одна часть способностей, а все остальное замерло, едва оставивъ послѣ себя слѣдъ». Шиллеръ не отрицаетъ преимуществъ теперешнихъ людей, взятыхъ въ совокуп-

ности, надъ такою же совокупностью людей древняго міра. Но почему каждый отдѣльный грекъ могъ считаться полнымъ представителемъ своего времени, а каждый отдѣльный нинѣшній человѣкъ—нѣтъ? Сама цивилизація (Kultur) нанесла новому человечеству эту рану. Какъ только, съ одной стороны, расширенный опытъ и точное мышленіе провели демаркаціонныя линіи между различными науками, а съ другой — сложность государственной машины породила обособленіе классовъ и профессій, такъ порвалась и внутренняя связь человѣческой природы, и пагубный споръ раздробилъ ея гармоническія силы. Воображеніе и умозрѣніе настроились взаимно враждебно и стали ревниво слѣдить за неприкосновенностью своихъ границъ. Это раздвоеніе, начатое внутри человѣка, завершилось и обобщилось новыми общественными порядками. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы простая организація первыхъ республикъ церезила простоту древнихъ нравовъ и отношеній. Но, вмѣсто того, чтобы подняться на высшую ступень жизни, она спустилась до простой и грубой механики. Полипообразная природа греческихъ государствъ, въ которыхъ каждый индивидъ пользовался независимой жизнью и, въ случаѣ нужды, могъ обращаться въ цѣлое, уступила мѣсто чрезвычайно искусной машинѣ, гдѣ изъ безчисленнаго множества безжизненныхъ частей возникаетъ механическая жизнь цѣлаго. Оторваны были другъ отъ друга церковь и государство, законы и нравы, наслажденіе и трудъ, средства и цѣли. Вѣчно прикованный къ малому обломку цѣлаго, человѣкъ и самъ развивается только въ видѣ обломка; вѣчно слыша только монотонный шумъ колеса, которое онъ вертитъ, онъ никогда не развиваетъ гармоніи своего существа и, вмѣсто того, чтобы отражать въ своей природѣ человѣчество, онъ дѣлается просто оттискомъ своей профессіи, своей науки. Но даже то скудное, частичное участіе, которое еще привязываетъ отдѣльныхъ членовъ къ цѣлому, зависитъ не отъ самостоятельно ими выбранныхъ нормъ (и развѣ можно бы было довѣрить ихъ свободѣ такую сложную и хитрую машину?)—нѣтъ: имъ съ строжайшею точностью предписаны извѣстныя правила, которыми связана ихъ инициатива. Мертвая буква замѣняетъ свободный разумъ, наловчившаяся память руководитъ вѣрнѣе, чѣмъ геній и изобрѣтательность. Когда должность дѣлается масштабомъ человѣка; когда мы цѣнимъ въ одномъ изъ своихъ согражданъ только память, въ другомъ только разумъ, въ третьемъ только механическую ловкость; когда здѣсь не обращается никакого вниманія на характеръ и ищутся только знанія, а тамъ, напротивъ, духу порядка и легу способствуетъ помраченіе разсудка—то что же всѣ остальные способности заглушаются, что
 которая одна даетъ почетъ
 знаемъ, что геній не огранич

лами своей профессіи, но заурядное дарованіе ухлопываетъ всѣ свои скудныя силы на выпавшую ему дробную роль.

Далѣе встрѣчаются многія чрезвычайно глубокія частныя замѣчанія, но мы пока остановимся на этомъ. Уже и теперь видно, что пламенный поборникъ свободы и демократическихъ идей съ крайне непріязненнымъ чувствомъ отворачивается отъ современнаго ему хода вещей, который, надо замѣтить, уже выставилъ великую революцію (письма объ эстетическомъ развитіи появились въ 1795 году) и со вздохомъ смотритъ за цѣлыя тысячелѣтія назадъ. На мой взглядъ, это явленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже любопытнѣе знаменитаго протеста Руссо противъ цивилизаціи. Руссо не видалъ революціи и, слѣдовательно, физически не могъ такъ или иначе отозваться на осуществленіе зари новой жизни, какъ тогда казалось. Принимая въ соображеніе, что многіе изъ самыхъ видныхъ дѣятелей революціи принадлежали къ жаркимъ поклонникамъ Руссо, мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, остался ли бы самъ онъ вѣрнѣе своему пессимизму. Шиллеръ же жилъ среди всего этого угара надеждъ и упоеній и, однако, продолжалъ твердить свое. Подобно Руссо, но при нѣсколько иной исторической обстановкѣ, онъ выражалъ недовольство не какимъ-нибудь частнымъ, случайнымъ явленіемъ прогресса, а его общимъ ходомъ: онъ видѣлъ въ немъ гибель человѣчества, для предотвращенія которой и рекомендовалъ свой планъ, сейчасъ увидимъ какой. Известно, что простые люди всегда и вездѣ склонны вздыхать по прошедшему. Все имъ кажется, что когда-то люди были сильнѣе, здоровѣе, больше, богаче, красивѣе, добродѣтельнѣе и проч. Меня всегда удивляло, что ученые люди не обращаютъ никакого вниманія на общераспространенность этого вѣрованія. Въ самомъ дѣлѣ, то въ формѣ сказокъ о богатыряхъ и ихъ приключеніяхъ, то въ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ, то въ видѣ личныхъ или почти личныхъ воспоминаній о дѣйствительности, это вѣрованіе распространено рѣшительно по всему земному шару и по всей исторіи человѣчества. Должны же быть у него какія-нибудь фактическія основанія или въ объективной исторіи, или въ свойствахъ человѣческой природы, или въ томъ и другомъ.

Надо, однако, замѣтить, что это обращеніе за идеаломъ назадъ, въ болѣе или менѣе глубокую и всегда неопредѣленную даль исторіи, распространено только между простыми людьми, необразованными. Люди ученые, если только они не заражены теософическими предразсудками, напротивъ, съ такою же исключительностью вѣруютъ, что не только никакой золотой вѣкъ никогда не существовалъ, но что чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ прошлое, тѣмъ большую встрѣтимъ слабость, безпомощность человѣка, тѣмъ больше найдемъ мракъ и грязь. Это я, впрочемъ, несомнѣнно правильно сказалъ «ученые люди». Ученые, въ этомъ отношеніи, еще не такъ строги, какъ полу-

ученые и только что грамотные. Какой-нибудь писарь, хвативший цивилизации, уже чрезвычайно твердо убѣжденъ, что народнымъ представленіямъ о золотомъ вѣкѣ, о кисельныхъ берегахъ и молочныхъ рѣкахъ, о богатыряхъ и привольномъ житіи, въ дѣйствительности соответствовава «одна необразованность-сь и дикость-сь». Среди же людей высокоразвитыхъ встрѣчается иногда какъ бы возвращеніе къ исконному народному вѣрованію, но уже въ формѣ сознательныхъ и болѣе или менѣе разработанныхъ теорій. Это, конечно—случай особенно любопытные. Одинъ изъ нихъ представляется воззрѣніями Шиллера. Въ письмахъ объ эстетическомъ развитіи человѣка отправнымъ пунктомъ, который служитъ мѣриломъ сравнительнаго первобытнаго превосходства, является древняя Греція. Это, конечно, совершенно произвольно. Не трудно бы было показать, что греческая жизнь, даже въ блистательнѣйшую пору своего развитія, была уже охвачена тѣмъ историческимъ процессомъ, который признается Шиллеромъ пагубнымъ. Шиллеръ, повидимому, и самъ чувствовалъ произвольность своего выбора. Въ другихъ сочиненіяхъ онъ, какъ мы уже видѣли, даетъ болѣе неопредѣленные указанія на область «дѣтской жизни, сельскихъ нравовъ и нравовъ первобытнаго міра», какъ на нѣчто въ родѣ золотого вѣка. Иногда, наконецъ, онъ просто отодвигаетъ свой идеалъ въ совершенно уже неясную даль «природы», подобно Руссо съ его знаменитымъ положеніемъ: все прекрасно, выхода изъ рукъ природы; все портится въ рукахъ человѣка. Очевидно, это—не выходъ изъ произвольности. А въ наше время даже ужъ и совсѣмъ нельзя искать въ «природѣ» какого нибудь совершенства въ подходящемъ для нашего случая смыслѣ слова. Такимъ образомъ, золотой вѣкъ, повидимому, самъ собой утончается все дальше и дальше назадъ, пока, наконецъ, не расплывается въ полнѣйшемъ туманѣ. Свѣтъ науки, умственнаго развитія ничего, значить, собственно говоря, не внесъ въ народное вѣрованіе, не уяснилъ его. Русский мужикъ, котораго вы не только удешевленіемъ ситца или развитіемъ желѣзно-дорожной сѣти, но даже указаніемъ на крупнѣйшія изъ реформъ нынѣшняго царствованія не разубѣдите въ томъ, что когда-то жить было лучше, находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Шиллеръ. Ему кажется, что онъ чуть не по пальцамъ можетъ сосчитать время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ жить стало хуже, и что чуть ли даже не его дѣдъ былъ богатырь и жилъ вполнѣ привольно; ему это ясно. Шиллеръ же, гонимая за золотымъ вѣкомъ, гонить его все дальше и, наконецъ, совсѣмъ выгоняетъ за предѣлы исторіи. Но тутъ Шиллеръ даетъ своей мысли необыкновенно смѣлый и чрезвычайно замѣчательный оборотъ. Въ третьемъ изъ писемъ объ эстетическомъ развитіи человѣка читаемъ: «Человѣкъ приходитъ въ себя изъ чувственной дремоты, сознаетъ себя человѣкомъ, озирается и видитъ себя въ государствѣ. Гнетъ потребностей повергъ его туда прежде, чѣмъ онъ могъ подуматъ о свободномъ

выборъ; нужда настроила общество по законамъ природы прежде, чѣмъ человѣкъ могъ построить его по законамъ разума. Но съ этимъ положеніемъ онъ, какъ нравственная личность, примириться не можетъ; и плохо было бы, еслибы онъ могъ примириться! И вотъ, онъ искусственно обращается къ своему дѣству, создаетъ въ идеѣ *естественное состояніе*, которое, правда, отнюдь не дано ему опытомъ, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо для удовлетворенія его разума. Онъ ставитъ себя въ этомъ положеніи вѣчную цѣль, которой онъ въ дѣйствительномъ естественномъ состояніи не зналъ, приписываетъ себя выборъ, къ которому онъ тогда способенъ не былъ, и затѣмъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ, по собственному выбору, обмѣнялъ состояніе независимости на состояніе договора». Изъ этого видно, во-первыхъ, что Шиллеръ готовъ бы былъ отказаться отъ мысли Руссо, что все прекрасно, выходя изъ рукъ природы, и все портится въ рукахъ человѣка. Далѣе приведенныя слова важны, какъ попытка психологическаго объясненія всеобщаго вѣрованія въ золотой вѣкъ. Шиллеръ прямо говоритъ, что идеальное естественное состояніе въ дѣйствительности никогда не имѣло мѣста (отнюдь не дано опытомъ), но что человѣкъ, по свойствамъ своей природы, вѣритъ въ него или же допускаетъ его гипотетически. Слѣдовательно, если въ вышеприведенномъ очеркѣ историческаго процесса греческая жизнь представляется моментомъ идеальнымъ, такъ только потому, что надо же выбрать въ прошедшемъ какую нибудь опредѣленную точку для сравненія, а, въ сущности, произволь выбора здѣсь неизбѣженъ. Тѣмъ не менѣе, однако, этотъ очеркъ историческаго процесса остается фактически вѣрнымъ. Онъ неопровержимъ и уязвимъ только развѣ со стороны своей односторонности. Никакія усилія оптимистовъ не могутъ доказать, что онъ ложенъ, но можетъ быть доказано, что въ немъ изложена неполная истина. Обыкновенно, оптимисты на это и налегаютъ, перечисля различныя благодѣянія, получаемыя и до нынѣ ежедневно получаемыя человѣкомъ въ процессѣ исторіи. Бѣда, однако, въ томъ, что эти благодѣянія очень хорошо извѣстны тѣмъ, для кого оптимисты читаютъ свой акантъ цивилизаціи и исторіи. Извѣстны они были и Шиллеру. Онъ развилъ ихъ параллельно оборотной сторонѣ медали.

«Въ планъ мой входило, говорить онъ: — показать пагубное направленіе характера нашего времени и открыть его источникъ. Но я охотно допускаю, что, при всей невыгодѣ для индивидуума такого раздробленія ихъ существа, родъ человѣчскій въ цѣломъ не могъ иначе прогрессировать. Не было иного средства развить разнообразныя задатки человѣческой природы, какъ противопоставивъ ихъ другъ другу. Этотъ антагонизмъ силъ есть великое орудіе культуры, но только орудіе, потому что, пока онъ продолжается, мы находимся еще на пути къ культурѣ. Въ борьбѣ чистаго и эмпирическаго разума изъ-за исключительнаго преобладавія оба развиваются до возможной зрѣлости и исчерпыва-

вадь каждый свою сферу. Тамъ воображеніе стремится разложить своимъ произволомъ міровую порядокъ, здѣсь, въ противобѣсъ ему, разумъ поднимается до высшихъ источниковъ познания и призываетъ себя на помощь законъ необходимости. Правда, односторонность въ упражненіи силъ неизбежно ведетъ индивидовъ къ заблужденіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, родъ, совокупность индивидовъ — къ истинѣ. Уже тѣмъ самымъ, что мы сосредоточиваемъ всю энергію нашего духа въ одномъ фокусѣ и стягиваемъ все свое существо къ одной силѣ, мы придаемъ этой силѣ какъ бы крылья и искусственно выводимъ ее далеко за предѣлы, повидимому, назначенные ей природой. Несомнѣнно, что вся сила зрѣнія всѣхъ индивидовъ, данная имъ природой, не могла бы усмотрѣть спутника Юпитера, открываемаго телескопомъ астронома. Точно также сила человѣческаго мышленія никогда не дала бы анализа безконечнаго или критики чистаго разума, если бы въ нѣкоторыхъ, призванныхъ субъектахъ разумъ не получалъ исключительнаго, преобладающаго надъ матеріей развитія, даващаго возможность путемъ напряженнаго отвлеченія заглянуть въ безконечное».

Конечно, это, въ количественномъ отношеніи — очень скудныя указанія на благодѣянія цивилизаціи, вполнѣ, однако, достаточныя для уясненія точки зрѣнія автора. Ясно, что, съ точки зрѣнія Шиллера, каждое завоеваніе цивилизаціи, каждый шагъ человѣчества впередъ, научный, философскій, промышленный, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагомъ къ паденію, поскольку онъ покупался цѣною цѣльности и самостоятельности, вообще — судьбы индивида, личности. Поэтому, если удобства изслѣдованія и требуютъ сравненія настоящаго съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ моментомъ прошедшаго, то логически вовсе нѣтъ надобности искать въ исторіи какого-нибудь пункта перелома, послѣ котораго началось занимающее Шиллера пагубное движеніе. Оно шло рука объ руку со всѣми пріобрѣтеніями человѣчества: минусъ и плюсъ шли рядомъ.

Спрашивается теперь: представляетъ ли эта совмѣстность плюса съ минусомъ что-нибудь фатально неизбежное, или возможно сохраненіе плюса съ устраненіемъ минуса? Шиллеръ полагалъ, что возможно, и рекомендовалъ для этой цѣли эстетическое развитіе. Онъ не вѣрилъ въ модныя въ его время политическія панацеи, которыя, по его мнѣнію, были безсмысленны измѣнить теченіе исторіи. Свобода, говорилъ онъ, можетъ быть достигнута только эстетическимъ путемъ, медленнымъ путемъ красоты, облагороженія воображенія, вкуса; только такимъ способомъ можетъ быть достигнута гармонія силъ человѣческой природы, ихъ равновѣсіе, постоянно до сихъ поръ подтачиваемое историческимъ процессомъ. Я не стану, разумѣется, защищать «эстетическое государство» Шиллера, не стану даже излагать эту идею, потому что ошибочность ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но нельзя не пожелать, чтобы люди чаще ошибались такимъ образомъ. Нельзя не пожелать,

чтобы всякій, одаренный какою-нибудь выдающеюся способностью, направлялъ ее такъ же, какъ Шиллеръ свою творческую способность, и, притомъ, вѣрилъ (хотя бы и преувеличенно), что въ этомъ направленіи заключается спасеніе міра. Я говорю—въ направленіи, а не въ самой способности, въ нравственной искрѣ божіей, а не въ талантѣ. Этакихъ-то франтовъ мы много видали, которые преувеличиваютъ значеніе своего таланта или рода своей дѣятельности. Преувеличеніе Шиллера—совсѣмъ иного рода, какъ читатель видѣлъ изъ предъидущаго и какъ онъ можетъ судить еще по слѣдующимъ замѣчательнымъ характеристикамъ роли и значенія поэзіи. Въ статьѣ «Наивная и сантиментальная поэзія» читаемъ: «Пока человѣкъ еще чистая, разумѣется, не грубая природа, онъ дѣйствуетъ, какъ нераздѣльное чувственное единство, какъ гармоническое цѣлое. Чувство и разумъ, имчивая и самостоятельная способность еще не успѣли раздѣлиться въ своихъ отправленіяхъ, но скорѣе противорѣчатъ другъ другу (я цитирую по переводу изданія г. Гербеля). Его ощущенія — не безобразная игра случая, его мысли — не пустая игра воображенія: изъ закона необходимости вытекаютъ одни, изъ дѣйствительности — другія. Но когда человѣкъ входитъ въ состояніе цивилизаціи и искусство налагаетъ на него свою руку, тогда уничтожается въ немъ та чувственная гармонія, и онъ можетъ только выражаться, какъ моральное единство, т. е. какъ стремящійся къ единству. Гармонія ощущенія съ мыслительностью, существовавшая прежде дѣйствительно, существуетъ теперь только идеально; она уже болѣе не въ немъ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна еще осуществиться, а не какъ фактъ его жизни. Если приспособить идею поэзіи, которая, въ сущности, заключается въ томъ только, чтобы дать человѣчеству въ высшей степени его возможное выраженіе, къ обоимъ тѣмъ состояніямъ, то выйдетъ, что въ состояніи естественной простоты, когда человѣкъ еще дѣйствуетъ всѣми своими силами, какъ гармоническое единство, когда цѣлое его природы совершенно выражается въ дѣйствительности, тогда возможно полное подражаніе дѣйствительности должно составлять всю силу поэта. Напротивъ того, въ состояніи цивилизаціи, гдѣ гармонія человѣческой природы заключается только въ идеѣ, силу поэта составляетъ возведеніе дѣйствительности до идеала, или, что одно и тоже, представленіе идеала». Ясно выражена эта мысль въ замѣткѣ «О стихотвореніяхъ Бюргера»: «Можетъ быть, въ наши, столь не поэтическіе дни, какъ для поэзіи вообще, такъ и для лирической въ особенности, откроется достойное назначеніе; можетъ быть, окажется, что, если она, съ одной стороны, должна уступить мѣсто высшимъ умственнымъ занятіямъ, то сдѣлается тѣмъ необходимѣе съ другой. При разъединеніи и разбитой дѣятельности нашихъ умственныхъ силъ, неизбѣжныхъ при расширенномъ кругѣ знаній и разобщеніи специальностей, почти только одна поэзія еще соединяетъ раздѣленные силы

души, занимаетъ равно сердце, остроуміе и пронизательность, разумъ и воображеніе въ гармонической связи и восстанавливаетъ въ насъ всего человѣка. Она одна можетъ отъратить самое печальное, что только можетъ испытать философствующій умъ, а именно—въ трудѣ изслѣдованій потерять награду своихъ стараній и въ отвлеченномъ умозрѣніи умереть для радостей дѣйствительнаго міра... Но для этого необходимо, чтобы она сама шла съ вѣкомъ, которому оказываетъ такую важную услугу, и чтобы она усвоивала себѣ всѣ его нововведенія». Вы видите, какими тонкими и многочисленными нитями переплеталась для Шиллера роль поэта съ дѣятельностью гражданина. Признавая въ общественномъ смыслѣ, свободы ради, желательнымъ возстановленіе равновѣсія, гармоніи силъ человѣческой природы, Шиллеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ понятнымъ въ поэтѣ восторгомъ, отрывалъ, что поэзія, по самой сути своей, наилучше можетъ этому способствовать. Понятно также, что въ его глазахъ только тотъ поэтъ былъ достоинъ этого имени, который нѣчто давалъ въ этомъ направленіи. Остальные были для него «опоражнивателями слезныхъ мѣшечковъ». И въ тѣхъ же письмахъ объ эстетическомъ развитіи человѣка, гдѣ значеніе искусства поднято до головокружительной высоты, находимъ безпощадное разоблаченіе фактической роли искусства въ исторіи. Въ десятомъ письмѣ, послѣ бѣлаго обзора этой роли, Шиллеръ говоритъ: «Куда бы мы ни взглянули въ прошедшемъ, вездѣ изысканный вкусъ и свобода бѣгутъ другъ друга, и красота основываетъ свое господство только на развалинахъ героическихъ добродѣтелей». Не всякаго, значить, поэта призналъ бы Шиллеръ своимъ «братомъ по Парнасу» и поклонился бы не всякому, хотя бы и очень крупному таланту.

Итакъ, Шиллеръ теоретически вѣрно поставилъ, но практически неудовлетворительно разрѣшилъ вопросъ величайшей важности. Не попытаться ли намъ разрѣшить его иначе? Попытку эту, впрочемъ, я, профанъ, не сегодня началъ и не безъ глубокаго внутренняго удовлетворенія вижу, что то тамъ, то сямъ въ литературѣ появляются или прямо профанскія мысли, или нѣчто къ нимъ приближающееся. Предпримемъ маленькое путешествіе по этимъ вновь открытымъ странамъ. А *tout seigneur tout honneur*. Начнемъ съ маркиза А «Русскаго Вѣстника».

«На плечахъ народа, на его терпѣніи и самопожертвованіи, на его живучей силѣ, горячей вѣрѣ и великодушномъ презрѣніи къ собственнымъ интересамъ создавалась независимость Россіи, ея сила и способность къ историческому призванію (и проч., и проч., сокращаю панегирикъ). Мы полагаемъ, что за все это наше образованное общество находится въ долгу передъ народомъ и что этотъ долгъ далеко не будетъ уплаченъ, если оно сложитъ руки, склонитъ повинную голову и скажетъ: ты лучше насъ, тебѣ и книгѣ въ руки; живи за насъ, выработывая для нашего пустаго существованія идеалы и формы, а мы будемъ»

счастливы тѣмъ, что поклонились тебѣ и потонули въ твоей сермяжной массѣ».

Такъ говоритъ маркизь А. О, маркизь, какъ я радъ, что вы написали эти (не совсѣмъ, впрочемъ, основательныя) слова. Такъ радъ, что охотно прощаю вамъ заключающіяся въ нихъ маленькую передержку и плохую пародію на мои выраженія и мысли. Да, что скрывать, я выражалъ желаніе потонуть въ сермяжной массѣ народа; но, замѣтите, со свѣточемъ истины и идеала въ рукахъ, я выражалъ мысль, что такъ долженъ быть уплаченъ долгъ народу. Такъ именно, я полагаю, разрѣшается вопросъ, волновавшій Шиллера. Маркизь, я вамъ прощаю. Прощаю, ибо отнынь вы уже не посмѣете повторить, что «литература ничѣмъ другимъ не можетъ питаться, какъ интересами образованнаго класса, потому что они одни только суть истинныя національныя интересы въ формѣ сознательной и приуроченной къ интересамъ цивилизаціи». Я наизусть запомнилъ эту вашу фразу и думаю, что она одна способна сохранить васъ отъ объятій забвенія, на кои вы осуждены своимъ ничтожествомъ. Благосклонный маркизь, я вамъ до такой степени прощаю, что готовъ подать вамъ нѣкоторые доброжелательные совѣты. Вы недовольны, что «у насъ народъ не обнаружилъ богатства тѣхъ творческихъ силъ, которыми создается прогрессъ гражданственный, культурный. У него были и есть свои идеалы, и эти идеалы прекрасны, но они не заключаютъ въ себѣ элементовъ движенія: они, такъ сказать, принадлежатъ растительной жизни». Вамъ такъ понадобились элементы движенія маркизь? Куда вы собираетесь двигаться? Но здѣсь маркизь призываетъ себѣ на помощь газету «Новое Время», изъ которой добываетъ слѣдующее: «Вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящія принципы семидесятихъ годовъ—словомъ, все ихъ profession de foi можетъ быть исчерпано однимъ словомъ: Европа» и т. д.

Итакъ: «движеніе» и «Европа». Идите съ миромъ, благосклонный маркизь, я васъ отпускаю; я буду съ читателемъ говорить. Если вамъ, читатель, кто-нибудь начнетъ совѣтовать «двигаться» или рекомендовать, какъ образецъ, «Европу», то вы смѣло можете прекратить собесѣдованіе въ самомъ началѣ, потому что собесѣдникъ вашъ, очевидно, не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ. «Движеніе» и «Европа», это—просто лишенныя всякаго содержанія слова, пока къ нимъ не будетъ прибавлено дополненіе на вопросъ: какое движеніе? какаѣ Европа? Какъ видно изъ цитаты «Русскаго Вѣстника», Европа провозглашена лозунгомъ семидесятихъ годовъ въ № «Новаго Времени», отъ 18-го марта. Этого самого числа (только новаго стиля), пять лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ загорѣлась революція, весьма неосновательно изображенная въ книгѣ г. Ватсона «Эпизодъ прусско-французской войны». Это было «движеніе» и, притомъ, «европейское». Желаетъ ли

«Новое Время» такой Европы, а маркизъ А. такого движенія—я не знаю; но знаю, что это европейское движеніе было направлено, по крайней мѣрѣ, противъ трехъ тоже движеній и тоже европейскихъ, и всѣ эти европейскія движенія боролись не на животъ, а на смерть. Еще ничего не значить, что, при этомъ, были пролиты рѣки крови, потому что рѣки эти иногда льются въ борьбѣ представителей одного и того же принципа, одного и того же «европейскаго движенія». Нѣтъ, здѣсь шла кровавая борьба между діаметрально-противоположными, взаимно-исключающимися принципами. Какой изъ нихъ вы выберете, вы, русскіе европейцы и двигатели? Коммуну вы выберете или Тьера и буржуазію или Бисмарка и милитаризмъ, или цезаризмъ, и вторую имперію или Шамбора и легитимизмъ? А выбирать надо, потому что *Европа*, какъ лозунгъ семидесятихъ годовъ, рѣшительно ничего не резюмируетъ и не соглашаетъ. И я, и маркизъ А, и «Новое Время», и я не знаю еще кто—всѣ мы можемъ, пожалуй, даже совершенно правомѣрно кричать: «да здравствуетъ Европа!» и, въ то же время быть другъ отъ друга дальше, чѣмъ турецкій султанъ отъ Мак-Магона. Зачѣмъ же, спрашивается, безъ толку кричать? Семидесятые годы не только не могутъ выразить свою программу словомъ «Европа»; но трудно даже найти въ нашей исторіи годы, къ которымъ этотъ лозунгъ менѣе бы подходилъ. Больше всего онъ годился бы для времени, начиная съ прошлаго столѣтія и такъ, примѣрно, до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго. Въ тѣ времена, дѣйствительно, Европа фактически была нашей путеводной звѣздой, и это было логически возможно, потому что «Европа» еще не развернула заключенныхъ въ ней противорѣчій. Конечно, она и тогда не представляла сплошь однороднаго цѣлаго, но ходъ дальнѣйшей исторіи, казалось, долженъ былъ окончательно сгладить ея неоднородность. На дѣлѣ вышло иначе. А мы все тянемъ старую, давно истлѣвшую, какую-то общеевропейскую канитель и наивно воображаемъ, что это толченіе на мѣстѣ есть «движеніе». Чудаки мы, право, да и чудачки ли только? Не будемъ, однако, валить съ большой головы на здоровую, не будемъ приписывать всему обществу того, что угодно брякнуть публицисту «Новаго Времени» или «Русскаго Вѣстника». То европейское движеніе, которое нѣкогда служило намъ путеводной звѣздой, стало нынѣ только однимъ изъ европейскихъ движеній. Но если имѣть въ виду только его, такъ можно съ увѣренностью сказать, что у насъ «программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли» и т. д. отнюдь не исчерпываются словомъ: «Европа». Европа, что ли—комментированныя мною воззрѣнія гр. Льва Толстаго, которыя надѣлали столько шуму и, замѣтите хорошенько несомнѣнность этого результата, оставили за собой побѣду? А пятнадцать лѣтъ тому назадъ, гр. Л. Толстой былъ замолчанъ. Согласитесь, что «Европа», по крайней мѣрѣ, на этомъ пунктѣ не сдѣлала у насъ

успѣха. А вслѣдъ за гр. Толстымъ начали безбоязненно высказываться въ литературѣ такія не-европейскія вещи, что, въ виду ихъ, смѣлость заявленія о совпадении программы семидесятихъ годовъ съ «Европой» становится по истинѣ изумительной. А тутъ и переводная литература измѣнила Европѣ. Явились книги Мена, явилась книга Лавеле, европейца, краснорѣчиво убѣждающаго насъ отнюдь не увлекаться «европейскимъ движеніемъ». Многіе даже весьма непроницательные наблюдатели подмѣтили, что, въ настоящее время, происходитъ въ литературѣ и въ обществѣ какое-то очень не-европейское броженіе.

Кстати о весьма непроницательныхъ наблюдателяхъ и броженіи въ литературѣ. Въ фельетонѣ одной газеты я встрѣтилъ, повидимому, систематическій, а въ сущности крайне курьезный подборъ литературныхъ явленій. Тутъ были свалены въ одну кучу гр. Толстой, г. Евгений Марковъ (съ его романомъ «Черноземныя поля»), г. Боборыкинъ (съ его предисловіемъ къ «Запискамъ Дурака»), г. Ш. Ч., г. Энгельгардтъ. Общая скобка, за которую были поставлены всѣ эти писатели, состояла въ стремленіи къ простой деревенской жизни и къ сближенію съ народомъ; это-то и выставилось характеристической чертой современной литературы. Не знаю, право, какъ назвать эту общую скобку. Она отчасти, конечно, вѣрна, но отчасти рѣшительно никуда негодится, потому что далеко не всякій, зывающій: Господи! Господи! можетъ попасть въ царство небесное. Я не буду утомлять васъ разборомъ всей этой путаницы и обращу ваше вниманіе только на одного г. Евгения Маркова. Это входитъ въ мою программу путешествія по новоскртымъ странамъ. Г. Евгений Марковъ есть тотъ самый г. Евгений Марковъ, который столь побѣдоносно сражался и съ гр. Л. Толстымъ и съ «упразднителями современнаго общества»; тотъ самый г. Евгений Марковъ, который заявилъ, что только *скотамъ* свойственно отрекаться отъ своего прошедшаго, какъ бы оно ни было гнусно (онъ забылъ, что Павелъ отрекся отъ Савла и что именно скоты не способны на подобное отреченіе). Онъ печатаетъ теперь въ «Дѣлѣ» отпѣнно скучный, нравоучительный и длинный романъ «Черноземныя поля». Тамъ воспѣваются прелести сельской жизни, красота полей, вкусъ парнаго молока, сближеніе съ народомъ, милыя деревенскія барышни, прочныя сельскіе кавалеры. Очень хорошо. Вотъ что пишетъ своимъ друзьямъ удалившійся на доно природы и тихой сельской жизни среди народа герой романа Суровцовъ:

«Мнѣ живется отлично, гораздо лучше, чѣмъ предполагаете вы, чѣмъ предполагалъ я самъ. Я—парекъ совершенно отдѣльнаго, хотя и тѣснаго, небольшого міра. Нигдѣ не можетъ развиваться такая независимость духа, какъ въ деревенскомъ хозяйствѣ. Но нигдѣ же нѣтъ болѣе строгихъ и точныхъ обязанностей, стало-быть, нигдѣ не можетъ развиваться въ такой степени чувство собственной отвѣтственности. Я подчиненъ повелителю, отъ требованій котораго уклониться немисливо, но подчиненіе которому неоскорбительно для самаго гордаго духа. Имя этого повелителя—«роковые законы природы». Моя судьба зависитъ отъ безспѣшной зимы, отъ морозной весны, отъ дождливаго

лѣта. Двигается по небу грозовая туча, а долженъ поворно выждать, что ей вздумается сдѣлать со мною. Я не знаю прихотей никакого другого начальства, не имѣю надъ собою никакихъ инстанцій, никакихъ регламентовъ и инструкцій, не подвергаюсь ничьему контролю. И, однако, я не смѣю сдѣлать ни одной ошибки, не смѣю упустить ни малѣйшей своей обязанности, потому что въ самой ошибкѣ, въ самомъ упущеніи моемъ и моя кара, быстра, неотвратима, рокова. Тутъ необходимо быть умнымъ, дѣятельнымъ, внимательнымъ, чѣмъ на кафедрѣ профессора, которая все сносить — бездарность, лѣнь и даже заблужденія. Предполагали-ли вы когда-нибудь такую силу воспитательности въ практическомъ хозяйствѣ? А въ немъ есть еще гораздо больше силы, да теперь не хочется говорить много. Кстати, вы остроумничаете надъ моимъ новымъ дѣломъ, обзывая его «эгоистическимъ и материальнымъ». Изъ этого ясно, что вы совершенно не знаете моего дѣла. Такъ знайте-же хоть теперь, что сельское хозяйство — дѣло такое-же общественное, какъ и ваше профессорство. Вы думаете, деревня Суровцова на Ратской Плотѣ принадлежитъ одному надворному совѣтнику Анатолію Суровцову? Ошибаетесь, друзья мои: надворный совѣтникъ Анатолій Суровцовъ — только одинъ изъ множества владѣльцевъ этого общаго имущества. Оно очень мало, а владѣльцевъ очень много. Владѣтели его — мой ключникъ, мой конюхъ, мой скотникъ, мой садовникъ, моя скотница и всѣ вообще мои рабочіе и крестьяне. Я ихъ вправѣ называть моими, такъ-какъ они неизбежны мои сотоварищи. Моя доля въ общемъ пользованіи нашимъ имуществомъ, говоря безотносительно, побольше ихъ, моя комната почище ихъ, мой столъ повкуснѣе и я не всегда ѣзжу, какъ они, на простой телегѣ. Но сравнительно съ нашими потребностями, они получаютъ нисколько не менѣе моего; они по-своему сыты и нагрѣты не хуже меня и имѣютъ свободные праздники, свободные зимніе вечера для игры на балалайкѣ, вышивки и любезничанья съ своими дамами. Я гораздо рѣже имѣю досугъ и почти не имѣю средствъ поразмыслить по своему вкусу. Но, главное, ихъ владѣніе деревней Суровцовой гораздо прочнѣе моего. Я лѣзю въ долги, чтобы какъ-нибудь удометворить насущнымъ потребностямъ хозяйства; нынче я въ барышѣ, завтра у меня могутъ отобрать мое послѣднее достояніе. А имъ навсегда обеспечено ихъ мѣсячное жалованье и ихъ кусокъ хлѣба. Будетъ ли считаться владѣльцемъ имѣнія надворный совѣтникъ Суровцовъ или купецъ 2-й гильдіи Силай Лаптевъ, Суровцово не обойдется безъ ключника, скотника, конюха и всей рабочей компаніи; и какія бы бѣды ни стряслись лично надъ мною, все-таки суровцовскіе мужички будутъ получать ежегодно по 5 руб. сер. аренды съ каждой пахатной десятины такъ-называемаго моего имѣнія, потому что безъ ихъ сохъ и боронъ никакой купецъ Лаптевъ не обработаетъ поля. Но даже при такомъ ограниченіи своихъ правъ, я могу сдѣлать много добра и много зла цѣлой окрестности. Если я сложу руки, не подвину впередъ своего дѣла, не усовершенствую его, мое хозяйство — могла. Некуда наняться, негдѣ ничего заработать, некому продать, не у кого купить сосѣдамъ. Заварилъ я дѣятельное и разнообразное хозяйство — мнѣ всѣ нужны: плотники, кузнецы, копачи окрестности, всѣ имѣютъ у меня заработокъ подъ-рукою: у одного я куплю свинью на кормъ, у другого солому для навоза, у третьяго лошадь куплю и лѣсъ, и доски, и телегу, что у кого заготовлено для продажи. У меня тоже всякій купитъ что-нибудь нужное, если я не сплю, а завожу, что можно. Купить и крупъ, и муки съ мельницы, и жеребенка, и теленка ва заводъ. Моя дѣятельность возбудитъ, такимъ образомъ, экономическую жизнь въ цѣлой мѣстности. Сбытъ и спросъ облегчаются, возымаются заработная плата, въ глухомъ углу достигается извѣстное удобство. Развѣ это не общественное дѣло, не общественная заслуга?

О, какъ же мнѣ не радоваться, читая идилліи г. Маркова, какъ мнѣ не радоваться такъ соблазнительно описываемому имъ сближенію съ народомъ! Но знаете ли что? Вамъ случалось, конечно, хоронить кого-нибудь очень вамъ близкаго и дорогого, чѣмъ лицомъ вы привыкли любоваться. Вы, значить, знаете то тяжелое ощущеніе, которое испытывается при видѣ мертве-

ца, черты котораго такъ похожи на милое лицо и, въ то же время, такъ не похожи, такъ безобразны. Вотъ это самое испытывалъ я, читая размазистый и сладкавый романъ г. Маркова. Что же касается выписанной тирады, то я не буду говорить о крайней паивности Суровцова, повидимому, серьезно думающаго, что онъ—благодѣтель цѣлаго околodka. Я буду имѣть скоро случай по болѣе интереснымъ поводамъ бесѣдовать съ вами объ этомъ заблужденіи россійскаго Цинцината. Письмо же Суровцова я привелъ для освѣщенія всей идилліи и для показанія, что г. Евгенийъ Марковъ отнюдь не есть, въ самомъ дѣлѣ, какая-нибудь новооткрытая Америка, а обыкновеннѣйшая и избитая до плоскости «Европа». Надо быть дѣйствительно очень непроницательнымъ наблюдателемъ, чтобы увидѣть въ этомъ призывѣ in's Grüne, на лоно природы, что-нибудь характерное для какого бы то ни было времени. Всегда были люди, которые любили пить парное молоко, смотрѣть на деревенскіе хороводы, дышать воздухомъ полей и благодѣтельствовать работой окрестныхъ крестьянъ. Всегда были и люди, склонные къ занатію сельскимъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, не могутъ быть поставлены за общюю свобку г. Евгенийъ Марковъ и, напримѣръ, гр. Толстой, какъ онъ выясняется четвертымъ томомъ его сочиненій.

Мы далеко отошли отъ Шиллера, отъ Шиллера—до г. Евгения Маркова!—но многимъ можетъ показаться, что это даже совсѣмъ не далеко, что Шиллеръ и г. Марковъ совсѣмъ рядомъ стоятъ, потому что оба проповѣдуютъ возвращеніе къ природѣ, къ природѣ, къ простотѣ сельскихъ нравовъ. Разница, однако, въ томъ, что проповѣдь Шиллера и въ сто лѣтъ не состарѣлась, а проповѣдь г. Маркова такъ и родилась мертвой. Разница въ самомъ источникѣ порываній того и другого. Сходство же, если оно есть, исчерпывается второстепенными и чисто вѣшними чертами. Допустимъ, что «Черноземныя поля», въ самомъ дѣлѣ, должны быть занесены въ число признаковъ времени, что въ этомъ литературномъ явленіи выразилось не простое таготѣніе къ парному молоку, свѣжему воздуху и сельско-хозяйственной дѣятельности, какое могло имѣть мѣсто всегда и вездѣ, а осложненное злобой дня, нѣчто, характерное для нашего времени, для «семидесятихъ годовъ». Какая же это такая злоба дня здѣсь сказалась? Суровцовъ ставитъ свою сельско-хозяйственную дѣятельность рядомъ съ профессорскою дѣятельностью своихъ друзей. Онъ весьма справедливо не видитъ между ними типической разницы, хотя одна насаждаетъ плоды знанія, а другая плоды земли. Дѣйствительно, то и другое насажденіе могутъ производиться и производятся при совершенно одинаковой общественной обстановкѣ, до такой степени, что, если въ числѣ друзей Суровцова есть профессоръ политической экономіи, то онъ, по всей вѣроятности, излагаетъ съ каедръ тѣ самыя принципы, которые изложены въ письмѣ Суровцова. И профессоръ, и сельскій хозяинъ, въ настоящемъ случаѣ, окружены одной и той же

духовной атмосферой. Правда, рѣзкая разница обнаруживается въ физической обстановкѣ. Но это, очевидно—дѣло личнаго вкуса. Одинъ любить атмосферу кабинета, типографіи, аудиторіи, жизни городской, другой—атмосферу лѣсовъ, полей, жизни сельской. Допустимъ—что, однако, если и можетъ быть допущено, то только въ весьма скромныхъ размѣрахъ—допустимъ, что людей съ деревенскими вкусами нынѣ становится сравнительно все больше, что, утомленные городскимъ шумомъ, измученные вообще городскими условіями жизни, люди усиленно бѣгутъ in's Grüne. Безспорно, это движеніе могло бы имѣть многія, нелишнія значенія послѣдствія и нѣсколько измѣнить и самый строй общественной жизни, но лишь въ опредѣленныхъ и, въ сущности, весьма ограниченныхъ предѣлахъ, если при этомъ профессоръ политической экономіи только превратится въ сельскаго хозяина, оставаясь при тѣхъ же принципахъ, смѣняя только кафедру и теорію на деревню и практику. И въ томъ, и другомъ случаѣ онъ остается представителемъ одного и того же «движенія» (если хотите, «европейскаго»). Мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ состоитъ это движеніе: въ увеличеніи производства (въ нашемъ частномъ случаѣ — сельскихъ продуктовъ). Механизмъ этого движенія намъ до такой степени хорошо извѣстенъ, что и сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что отливъ силъ изъ города въ деревню можетъ при немъ продолжаться только весьма короткое время. Оставаясь на нашемъ частномъ случаѣ профессоровъ и сельскихъ хозяевъ, не трудно видѣть, что пропорція тѣхъ и другихъ можетъ колебаться только въ очень слабыхъ предѣлахъ. Профессора политической экономіи, исповѣдующіе принципы Суровцова, неизбѣжны тамъ, гдѣ существуютъ или могутъ существовать Суровцовы, и обратно: Суровцовы возможны только тамъ, гдѣ раздается съ кафедръ или въ книгахъ голосъ либеральной политической экономіи. Положимъ, Петровъ перейдетъ съ кафедры in's Grüne по слѣдамъ Суровцова, но на его мѣсто непременно явится Ивановъ, а, если и Ивановъ уйдетъ, такъ его замѣнитъ, можетъ быть, даже сынъ Суровцова. Понятно, что отъ такого рода перемѣнъ никому ни тепло, ни холодно, кромѣ непосредственно дѣйствующихъ лицъ. Все это «движеніе» есть буря въ стаканѣ воды, неизмѣющая ровно никакого общественнаго значенія, и было бы совершенно недостойно литературы видѣть въ ней какой-нибудь признаковъ времени, что-нибудь характерное и важное. Недостойно литературы отмѣчать, какъ нѣчто, заслуживающее вниманія, такую плоскую идеализацію быта современныхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, какую представляютъ «Черноземныя поля» г. Евгенія Маркова.

Шиллеровскій призывъ имѣетъ совершенно другой характеръ. И для того, чтобы сдѣлать изъ него лозунгъ нашего времени, нужно только дополнить его, сообразно его основному принципу и тѣмъ историческимъ явленіямъ, которыя народились послѣ Шиллера. Не парное молоко (очень, впрочемъ, хорошая вещь)

и не заигрыванія сельскихъ кавалеровъ съ благородными деревенскими дѣвками соблазняли Шиллера въ прошедшемъ и въ лонѣ природы. Онъ завидовалъ тому, что каждый человѣкъ былъ нѣкогда полнымъ носителемъ культуры своего времени или, говоря словами гр. Л. Толстого, самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. То движеніе, которое уничтожило этотъ порядокъ вещей, Шиллеръ признавалъ пагубнымъ, хотя очень хорошо понималъ, что именно оно дало намъ и знанія, и матеріальныя богатства. Онъ, конечно, не былъ противъ движенія вообще, желалъ не неподвижности и не обращенія вспять, а того единственно, чтобы и нынѣ каждый человѣкъ былъ полнымъ носителемъ культуры *своею* времени, т. е., опять-таки, самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ потребностямъ, кругъ которыхъ постоянно расширяется. При такой постановкѣ вопроса, заботы о «движеніи» теряютъ всякій смыслъ, и на первый планъ выдвигается то, что и Шиллеръ, и гр. Толстой называютъ гармоніей развитія. Позднѣйшій историческій опытъ только подтвердилъ анализъ Шиллера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нашему времени вызвалъ въ Европѣ многочисленныя частныя протесты, совершенно улаживающіеся въ протестъ Шиллера, не только протесты, а и болѣе или менѣе удачныя попытки положительныхъ рѣшеній. Шиллеръ глубоко скорбѣлъ о розни эмпирическаго и чистаго разума, какъ онъ говорилъ, а по нашему— опыта и умозрѣнія. Послѣ него, эта рознь достигла одно время колоссальныхъ размѣровъ и считалась необходимымъ условіемъ «движенія» мысли, но нынѣ соглашеніе этихъ двухъ формъ изслѣдованія, совмѣщеніе ихъ въ одной и той же личности составляетъ вопросъ безповоротно рѣшенный. Никто не сомнѣвается въ необходимости и возможности такого совмѣщенія. Въ области экономической, взглядъ Шиллера, по обстоятельствамъ времени, не проникъ дальше розни «труда и наслажденія», т. е. самой общей формулы. Послѣ него эта рознь достигла колоссальныхъ размѣровъ и все продолжаетъ расти, сосредоточивая собственность въ однихъ рукахъ, предоставляя трудъ другимъ. Политическая экономія Суровцова и комп. признаетъ эту рознь необходимымъ условіемъ экономического движенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ рядъ попытокъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, совмѣстить трудъ и собственность въ одной личности. И надо думать, что необходимость и возможность такого совмѣщенія станетъ скоро тоже внѣ всякихъ сомнѣній. Такъ идетъ дѣло въ Европѣ. Это—тоже европейское движеніе, господа. Угодно ли вамъ именно его признать своею путеводною звѣздой? Если да, то такъ и говорите, и бросьте канитель «Европы» вообще и «движенія» вообще. Если да, то, вмѣсто «Европы», вы имѣете полное право подставить «русскій народъ» въ свою формулу. И тогда выйдетъ: «Вся программа настоящаго времени, всѣ его стремленія, желанія и цѣли, всѣ руководящія принципы семидесятихъ годовъ, словомъ—все ихъ *profession de foi* можетъ быть исчерпано двумя словами: русскій народъ» Н. М. 3-